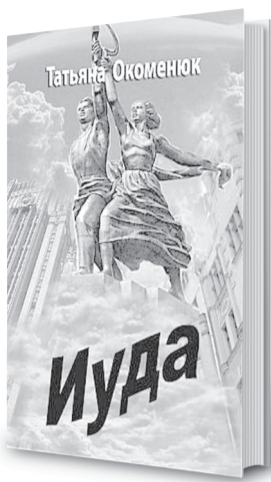

Анатомия нравственного падения

Недавно в мои руки попал роман «Иуда» — книга одной из самых популярных писательниц русскоязычной Германии Татьяны Окоменюк. Сразу пахнуло публикациями «Юности» середины восьмидесятых, когда в печати появились первые произведения о «реальной жизни».

Перед нашими глазами проходит жизнь этого Клема Самгина второй половины XX века. Зовут его Иннокентий Юдин. Он москвич, выпускник Литературного

института, журналист, писатель, лауреат престижных литературных премий.

Для советского времени — а именно туда уводит читателя автор — жизнь Иннокентия, что называется, удалась: есть шикарная квартира в центре столицы, все блага, прилагающиеся к лауреатству, поездки за границу, читательское признание... Но какой ценой достиг всего этого наш «инженер человеческих душ»? Благополучие его зиждется на лицемерии, предательстве, эгоизме и эксплуатации чужого труда.

Испытываешь ужас, наблюдая за Юдиным, который движется по жизни, как асфальтовый каток, оставляя за собой идеально ровную поверхность. Вокруг него творится страшное. Нет, сам он не размывает топором и не орудует удавкой. Но разве бездействие — не соучастие в убийстве? А слово, которое порой страшнее выстрела в упор? А равнодушные?

Как кукушонок в чужом гнезде, герой романа без устали устраняет конкурен-

тов. Ненавидит тех, кто красив, одарён, успешен. Кто хоть в чём-то его превосходит. Кешка тихонько вытаскивает их из гнезда, в которое сам попал по чистой случайности. Желание устранить всех, кто ему мешает, заставляет парня совершать подлые поступки, итогом их становится гибель людей, встретившихся на его пути.

Забыв о патриотизме, который он проповедовал в «своих» книгах, Юдин уезжает в сытую и благополучную Германию, отправив мать в дом престарелых. И жить бы ему там да жить, но «сколь верёвочка не вейся, а совьёшься ты в петлю»... Ожидать раскаяния от антигероя не приходится. Маленький мерзавец вырастает в большого подлца, умело подстраивающегося под любую ситуацию. А коль чуда не происходит и Юдин не становится Человеком, его биография подходит к закономерному концу.

Роман задевает за живое, ибо в нём есть все химические элементы, из которых со-

стоит хорошая художественная литература: прозрачная композиция, живые запоминающиеся образы, тонкий психологизм, внимание к деталям быта героев, хорошее знание человеческих характеров, отсутствие ложных патетики и морализаторства.

Одним из несомненных достоинств «Иуды» является язык талантливого рассказчика. В романе нет словесных зарослей, несмотря на большое количество персонажей. Произведение читается легко, на одном дыхании. Реальность описываемых событий не вызывает сомнений. Картинки хорошо узнаваемы, советская действительность выписана очень фактурно.

Автор создал кинематографический по динамике и визуальности типаж «портрет времени». Уверен, что роман «Иуда» придётся по душе всем тем, кого трогают реалистичные жизненные драмы, пронзанные глубоким психологизмом.

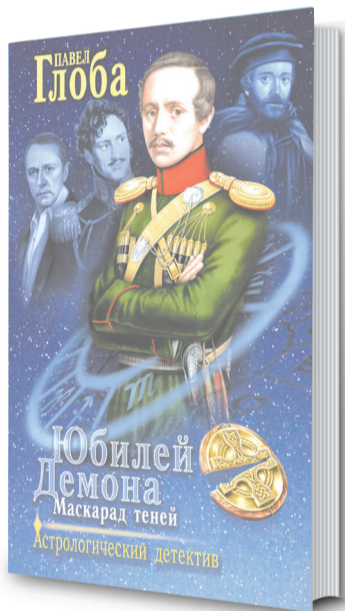
Натан ШАПИРО

Как и в двух предыдущих книгах Павла Глобы — «Код мастера» и «Затмение Долгоруких» — главным героем новой остросюжетной повести «Юбилей демона», увидевший свет в издательстве «Вече», выступает врач и по совместительству астролог Андрей Успенский. За помощью в расследовании запутанного дела к нему обращается олигарх Ильясов, на которого совершено покушение. Расследуя это дело, он приходит к выводу, что вновь столкнулся с неумолимым Законом Матрицы. Он должен определить, кто является главным виновником: неприкаянный дух великого поэта Лермонтова или его Демон?..

Павел ГЛОБА

Юбилей Демона

отрывок

...Дождь, ненадолго ослабевший, припустил с новой силой. Он скрывал не только высившуюся где-то далеко впереди громаду Бенштау, но и ближнюю вершину горы Машук, от подошвы которой по раскисшей дороге к Пятигорску едва тащилась арба, запряжённая парой тощих волов. Пронзительному скрипу колёс вторил отдалённый собачий вой.

На арбе, поверх кошмы, брошенной на солому, лежал человек. Арба была короткая, и его голова и ноги безвольно свисали вниз. Трудно было понять, жив он или уже умер. Светлая кошма намочена и потемнела от дождевых струй, но ещё более тёмными пятнами на ней проступала кровь. Её было очень много. Казалось, она смешивается с дождевой водой, просачивается сквозь дно повозки и превращает землю под ногами в непролазную грязь.

По крайней мере, именно так казалось тем двоим, что медленно брели за арбой, чавкая сапогами по вязкой жиже. Судя по платью, оба были слугами. Одного можно было принять за кучера, другой походил на лакея.

— А что, Иван, верно ли господи говорили, что твой покойник в моего барина стрелять не захотел?

Кучер Иван окинул взглядом лежавшего на арбе человека и с сокрушённым видом отмахнулся.

— Окстись, Илья! Он же ещё не покойник. Дышит, вон, стонет. Ты, чем каркать, лучше соломки ему под голову подоткни, а то она болтается, ровно у битого гуся.

Лакей Илья вздохнул громко и печально.

— Всё одно не довезём. Кончается, раб Божий. Хоть бы попа повстречать, а то так и помрёт без покаяния. Конечно, кабы пораньше, может, и успели бы живым довести. Они, я слышал, часов пять тому, как стрелялись. Ещё до грозы.

Кучер Иван удивлённо вскинул брови.

— А что же они после стрельбы так долго тянули? Или хоть бы дочтуру привезли...

Лакей Илья невесело усмехнулся.

— Скажешь тоже. Какой дохтур в такую грозу да на ночь глядя в горы поедет? Везите, говорит, его ко мне. Опять же — стрельба, дело подсудное. Моего-то барина, чай, тоже по головке не погладят. Как пить дать — разжалуют в солдаты. Когда мы с тобой только выезжали, его как раз под арест определяли.

Кучер Иван угодил ногой в глубокую лужу и негромко выругался. Потом затропился, догоняя ушедшую вперёд арбу.

— Оно, конечно, не моё собачье дело, только вот я чего в толк не могу взять, — проворчал кучер, — со стрельбой понятно, на то они и господа. Но почему же они его как собаку поддыхать бросили? Хрестьянская ведь душа. Нет, ты как хошь, а я этого никак в толк не возьму.

— Сам же сказал — не наше это собачье дело, — оборвал его рассуждения лакей Илья. — Раз бросили, стало быть, так и надо. Хотя, конечно, ты прав — не похрестьянски это.

Потом добавил.

— Их сиятельство князь Васильчиков сам к хозяину гостиницы армянину Найтаки прибежал. Очень волновался, плакал даже. Там, говорит, майор Мартынов поручика Лермонтова застрелил. Тело, значит, привезти нужно. Он, сердешный, уж так переживал, так переживал, будто не твой барин, а он сам в него стрелял. Привезти-то, значит, не на чем. Только и нашли, что эту арбу. И как же теперь бабушке сказать?

Неожиданно арба замедлила ход, а по-

том и вовсе остановилась. Впереди горел огонь, мелькали тени.

Илья вздрогнул и перекрестился.

— Никак черти за бариним твоим явились?

Иван сплюнул и выругался.

— Сам ты чёрт! Не видишь — брочка завязла.

Тени приблизились. Теперь стало видно, как при свете фонаря двое молодых черкесов пытались вытащить из грязи лёгкую коляску. Третий, постарше, руководил ими, без особого, впрочем, результата, принося больше шума, чем пользы. Неподальку, покручивая кончик седого уса, стоял и хозяин коляски.

— Кто там? Не поп случаем? — спросил Иван.

Илья взгляделся в темноту.

— Не, не поп. Кажись, ахцигер.

Хозяин коляски в ожидании, когда те закончат работу и он сможет продолжить путь, отошёл к краю дороги. Дождь не мешал ему покуривать маленькую кабардинскую трубочку, обделанную в серебро. Одет он был в офицерский сюртук без эполет и черкесскую мохнатую шапку. На вид ему было лет пятьдесят, он казался опытным «кавказцем». Время от времени он привычным, незаметным для самого себя движением пощипывал правый ус.

Иван и Илья приблизились.

— Откуда вы? — спросил офицер.

— От Машухи-горы, ваше высокоблагородие, — был ответ.

— А что везёте?

— Лермонта...

— Что с ним?

— На поединке подстрелили, — неуверенным голосом сообщил лакей Илья.

— Он жив?

— Отходит...

Офицер указал кучеру на фонарь.

— А ну, посвети.

И подошёл к арбе. Иван с фонарём двинулся за ним. Умирающий был ещё молодым человеком. Даже в неверном свете фонаря было видно, что лицо его заливают мертвенная бледность. Он был накрыт шинелью. Офицер осторожно приподнял шинель, посмотрел на залитую кровью рубашку и покачал головой.

— Да... — только и произнёс он.

Опытным взглядом он сразу определил всю картину. Пуля прошла навывлет, поэтому ран было две — входная и выходная. Свинец вошёл в правое подреберье, а вышел где-то слева подмышкой, разворотив при этом левое плечо. Вся левая сторона тела от плеча до бедра была залита кровью. Целая лужа крови натекла и под телом раненого, пропитав светлую кошму до черноты.

— Он что, лежа ногами вперёд стрелялся? — буркнул офицер себе под нос.

И, представив себе, как выглядит там, под окровавленной тканью рубашки, искалеченная, изуродованная человеческая плоть, невольно поморщился.

— А почему его даже не перевязали? — спросил он.

— Не можем знать, — развёл руками Иван. — Мы его и в живых-то застать не чаяли. Нас послали мёртвого привезти.

Офицер покачал головой.

— Мёртвого и привезёте. Недолго ему осталось.

Черкесы оставили свой титанический труд и негромко переговаривались между собою. Тот, что выглядел старше своих товарищей, повысил голос.

— Аждаха! — сказал он.

В тоне его слышался страх.

— Что? — переспросил офицер.

— Аждаха, — повторил черкес. — Демон, крылатый змей. Он нападает внезапно, когда не ждёшь. Убивает мужчин, похищает женщин. Сеет смерть и разрушение и не знает пощады. Лермонд был демон, одержим Аждаха, но умел с ним справиться. Если Лермонд умрёт, Аждаха на свободу вырвется, будет нового хозяина искать. Много горя будет.

Умирающий неожиданно приподнялся, протянул руку, словно хотел ещё что-то сказать, громко застонал и откинулся навзничь.

Иван наклонился, прислушался и, несмотря на дождь, стянул с головы шапку.

— Не дышит. Отмучился.

Илья вслед за ним тоже обнажил голову.

— Без пощады отошёл. Без исповеди и отпущения грехов. Эхма, пропала бессмертная душа...